

НА ГЛАВНОМ ПОСТУ

Андрей Григорьевич Скребец — начальник второй смены цеха отделки. Эта смена держит цеховое переходящее красное знамя. Фото А. М. Догадова.

В честь XXIV годовщины Красной Армии

Встречая XXIV годовщину Красной Армии, сталеплавильщики с честью выполняют свои обязательства в социалистическом соревновании с кузнечанами.

20 февраля сталевар 11-й печи тов. Одиенко вместе со своими подручными гг. Кашенко и Голубчиковым выполнили план на 109 процентов.

Сталевар 8-й печи тов. Гребенников (подручные гг. Муртазин и Жуков) сумел организовать работу на высоком качественном уровне и этим самым добился выполнения плана на 113 проц.

Сталевар 9-й печи тов. Осипов также прекрасно справился с работой.

**

В цехе отделки звено вырубщика тов. Тюкова за смену 20 февраля дало две нормы. Бригада тов. Телец выполнила норму на 289 процентов.

Особенно высокой производительности добилось звено гг. Борисова и Шкарова. Оно выполнило производственные нормы на 407 процентов.

Четыре часа дня. Вместе с гудком началась трудовая вахта второй бригады.

У нагревательных колодцев выстроились в ряд горячие, румяные слитки. Это пришла новая маргеновская плавка. Жарко около слитков.

Своясь рябую стеклянную крышу смотрит в цех февральское небо.

Человек среднего роста в расстегнутом пальто, в круглой меховой шапке торопливо поднимается по крепкой железной лестнице на главный пост. По деловому озбочено круглое его лицо, широко брови слегка нахмурены. Это начальник смены инженер-орденоносец Алексей Андреевич Фролков.

— Ну, как у тебя дела, Василий Егорович? — обращается он к оператору главного поста Спиридонову. — Все ли в порядке?..

— Все в отличном состоянии, Алексей Андреевич... Уж ты обо мне не беспокойся, пожалуйста, не подведу, — отвечает своему начальнику, улыбаясь, Спиридонов. В морщинки собирается смугловатая кожа около его темносиних приветливых глаз.

И начальник смены и оператор сквалят и работают дружно. Они понимают друг друга с полуслова, оба орденосцы, оба отдадут производству все свои силы, желая как можно выше поднять производительность блюминга.

Алексей Андреевич, осмотрев главный пост и оставив Спиридонова со вторым оператором стахановкой Волковой, уходит проверять другие рабочие места.

Вася Спиридонову виден весь цех. Он видит машиниста крана Шубина, сидящего в квадратной железной кабине. Шубин загружает новую плавку в колодцы с раскаленными добела кирпичами. На главный пост доносится ляг цистер, делают тяжелые вздохи паровоза.

Спиридонов видит оператора Ладину, фрезчика Секирина. Они торопятся. В руках у них связки метал. Красные, перевязанные белыми лычками металы, покорно дожидаясь на манипулятор. Видит Вася Спиридонов лицо крановщицы-патриотки Хазовой. Скоро, скоро она подаст кран к блюмингу. Спиридонов знает, что и крановщик Шубин, загружающий колодцы новой плавкой, и вальцовщик Зубцов, и все автогенщики через несколько минут будут внимательно смотреть в сторону главного поста.

«Металла нынче достаточно». Эти слова были сказаны на сменно-встречном со-

вещании начальником смены. Их Вася Спиридонов помнил, но еще не было такого случая, чтобы работал он с прохладцей.

Посмотрит иногда Спиридонов на свои небольшие мозолистые руки, кажется ему странным, что он, такой маленький, вот этими самыми руками поднимает своей воле такой мощный стан. А ведь совсем недавно, работая в бухгалтерии прокатного цеха расчетчиком, Спиридонов с завистью смотрел на блюминг, когда проходил мимо. Тогда он боялся даже подняться по лестнице на главный пост, да и не разрешалось это. Памятным остался на всю жизнь момент, когда впервые очутился он на главном посту вместе с обер-мастером Сви-стужковым. Вспоминалось частенько, как учился управлять сложным станом.

— Алексей Андреевич идет! — сказал Спиридонов Волковой, взглянув в сторону шлепферов. К посту приближался начальник смены. — Скоро начнем!

Сел в кресло с сидельем, обитым темной кожей.

— Тридцать пять минут, все в порядке, пора начинать, — сказал Алексей Андреевич Фролков Спиридонову.

Оператор дал сигнал к началу работы. Лицо его улыбнулось, он подмигнул Волковой — начинаем.

Надо видеть Спиридонова за работой, чтобы понять, каким образом он достигает высоких производственных показателей. Во время горячей вахты внимательно смотрит на стрелку белого циферблата, иногда поглядывает в зеркало, наблюдая за тем, чтобы металл во время подвеса на рольганг крановщиком Шубиным. А крановщик на этот раз не отставал от оператора, и металл во время отпущал к стану.

Загудел протяжный гудок, и работа смены закончилась.

Это была фронтовая стахановская работа бригады.

— Сегодня мы хорошо катили металл... Дали много продукции фронту. Нашу работу отметил начальник цеха тов. Савельев: мы получаем премию в 2.700 рублей. Товарищи, отдадим эти деньги в пользу Красной Армии, пошлем подарки дорогим бойцам, — предложил Спиридонов своим товарищам.

В 12 часов ночи началась новая трудовая вахта. На смену вышла третья бригада.

В. СВЕТОЗАРОВ,
техник-нормировщик
блюминга № 3.

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков, партия Ленина—Сталина—организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками!

Под знаменем Ленина—Сталина вперед, на разгром немецких захватчиков!

Электрик стала «300» № 1 Д. А. Ильина и вальцовщик стана «300» № 3 М. П. Кошнев упаковывают подарки для бойцов доблестной Красной Армии. Фото А. М. Догадова.

КАТЮША

Песня

Одно наше новое оружие бойцы на фронте нежно называют «Катюшей».

Разлетались головы и туши, —
Дрожь колотит немцев за рекой.
Это наша русская «Катюша»
Немчуре поет «за упокой».

В страхе немец в яму прыгать
станет,
Головой зароется в сугроб.
Но его и здесь мотив достанет,
И станцует немец прямо в гроб.
Ты лети, лети, как говорится,
На кулички, к чорту на обед.
И в аду таким же дохлым

Фрицам
От «Катюши» передай привет.
Расскажи, как песню заводила,
Расскажи про катини дела,
Про того, которого лупила,
Про того, чьи кости разнесла.
Все мы любим душечку-

«Катюшу»,
Любо слушать, как она поет, —
Из врага вытряхивает душу,
А друзьям отвагу придает!
М. СЛОБОДСКОЙ.

Штыком и гранатой

Они открыли окопы на рассвете, выложили плотные брустверы из замерзшей глины и залегли.

Старшина роты Макар Кунах осмотрел полуавтоматическую винтовку, проверил магазин и еще раз посмотрел вперед.

— Морозков, — тихо позвал Кунах. Из окопа, окруженного кустами, появился боец.

— Ну, как? — спросил старшина.

— Пулемет в исправности. Обзор хороший. Имею две гранаты, — ответил Морозков. — Только патронов нехватит, пошлите.

У третьего члена этого маленького боевого коллектива — стрелка Кожина была полуавтоматическая винтовка и две гранаты.

Бойцы расположились в окопах. Когда солнце было в зените, Кунах увидел немцев. Они шли между кустами, не ожидая встретить в этой глуши ни красноармейцев, ни партизан. Они шли рядами, с автоматами и винтовками наперевес, — три звена вооруженных солдат. Враги миновали засаду и углубились в расположение обороны части.

Положение создавалось тяжелое. Против трех советских бойцов была целая рота немцев.

И Кунах принял решение. На первый взгляд это было безумием. Кунах решил атаковать роту. Внезапно ударить в спину, внести панику и расстрелять фашистов в упор.

Первым по кустам бросился за немцами Кунах. В пятнадцать шагов от врага он метнул гранату и упал за камень. Потом бросил еще одну, еще и еще. Шесть немцев, сраженных осколками, повалились на землю.

В эту минуту справа ударили пулемет Морозкова и винтовка Кожина. Солдаты металась из стороны в сторону, кричали, сбивали друг друга с ног.

У Кунаха вышли гранаты и винтовочные патроны. Замолчала пулемет Морозкова и винтовка Кожина.

Немцы оправались от испуга. Не видя красноармейцев, они с опаской стали продвигаться через кусты, простреливая наиболее опасные места.

Прямо на Кунаха шел солдат, еще левее — унтер-офицер.

«Хотя бы одну гранату, одну обойму патронов», — лихорадочно думал старшина. Но не было ни патронов, ни гранаты. Кунах не отказался от борьбы. Он приготовился к прыжку. Солдат был уже в нескольких шагах. Старшина вырвался вперед немцем, внезапно ударил его штыком. От страшного удара солдат, не издав ни единого звука, свалился на землю.

Унтер-офицер шел левее. Кунах видел поверх кустов подпрыгивающую пилотку врага и бросился вперед.

Унтер-офицер остолбенел. Штык Кунаха был в нескольких сантиметрах от груди немца.

Дрожь от страха, унтер поднял руки, выпустил оружие и, заикаясь, пролепетал: «Гитлеру кагут... Гитлеру кагут...»

Кунах приказал немцу лечь в нескольких метрах от себя и сам прилетел за камень.

Враги обходили Морозкова и Кожина. Оба бойца, отползая назад, очутились перед Кунахом.

— Старшина, — прошептал Морозков, — остался один диск, больше патронов нет.

Немцы шли. Кунах взял у Морозкова пулемет, при-

встал на колени и в упор из-за куста выпустил весь диск по врагам.

Потом Кунах взял у товарищей последние четыре гранаты. Одну за другой жевнул он их в гущу врагов. И произошло невероятное. Целая рота врагов дрогнула, побежала от трех стойких, дерзких, храбрых людей. Солдаты, не слушаясь офицеров, бросились назад. Они бежали через кочки, кусты. Только один из солдат на ходу обернулся и, не целясь, полоснул по кустам короткой очередью.

Кожин беззвучно рухнул на землю.

...Вечером поступил приказ: присоединиться к роте. Впереди группы шел пленный унтер-офицер. За ним с отягченным у врага оружием — Морозков. Последним шел Кунах и, тяжело ступая, нес погибшего боевого друга.

— Приказ выполнили, — доложил Кунах командиру полка, — убито 30 солдат и 2 офицера, отбили у немцев 2 ручных пулемета, 4 параблума, 10 винтовок. Кому прикажете сдать трофеи?..

Младший политрук
М. ГРОССМАН.

(Из фронтовой газеты «За родину!»)

Отв. редактор О. ГОЛЬДЕНБЕРГ.